

Независимая газ. - 2002 - 3 апр. - с. 9.

Герой в тени своего памятника

Жизнь идет не по Тарковскому

Дмитрий Салынский

Мы не можем себе представить, что рядом с нами жил гений. Равный Данте, Леонардо, Моцарту, Толстому. Нам кажется, что гении в прошлом, где-то далеко.

Андрей Тарковский – гений, чьим появлением оправдан период нашей культуры, внутри мировой культуры получивший свою маркировку: время Тарковского. Время, когда человек пытался понять себя в России и увидеть Россию со стороны в последний раз. Сейчас мы уже видим лишь дробь бликов и осколков, а видение целого исчезло.

Тарковский планетарен, потому что пытался осознать мир в его целостности. Микрокосм и макрокосм подобны друг другу, об этом сейчас говорят все кому не лень – но только Тарковский сумел доказать это в кино.

Фильмы Тарковского трагичны. Он ощущал катастрофический характер человеческой истории. Но «вера движет горы» – для него не пустая фраза. Он хотел понять, может ли человек индивидуальным усилием изменить в лучшую сторону космический порядок вещей.

Глубинные исследования художественной структуры фильмов Тарковского обнаруживают в ней несколько независимых пространственно-временных сфер; между ними идет своеобразная «война миров», где в конечном счете побеждает духовный мир, преобразуемый усилиями человеческой воли, а мир косной материи отступает и свертывается. Помните, в Апокалипсисе: «Небо свернулось, как свиток»?

Настоящий эмоциональный шок вызывает не столько вид точнейшей и безукоризненно работающей конструкции у

торжество справедливости. Но сразу после этого жизнь в СССР и в России пошла совсем не тем путем, какой он считал приемлемым. Такие простые морально-этические ценности, как защита слабых, помощь бедным, осуждение убийства и воровства, оказались отменены. А ценности высшего порядка – тем более.

Тарковский едва ли был бы доволен нынешним положением вещей. Возможно, он встал бы в оппозицию к нему. Только вот в какую из многих существующих ныне оппозиций? Очень сложный вопрос. Видно, судьба художника такого склада – быть в

магазины и коммерческие фирмы; «Ностальгия» – супермаркет, радиостанция и ресторан, «Зеркало» – телепрограмма. База данных Регистрационной палаты даст множество таких названий в разных уголках нашей обширной и стремящейся к просвещению родины. В этой ситуации даже странно, что нет, например, интерната «Иваново детство». И радует, что нет клуба по интересам «Жертвоприношение». Хотя после некоторых событий последних лет уже и не скажешь с полной уверенностью, что его вообще нигде нет.

В итоге воздействие Тарковского на массовую культуру дей-

Традиции Тарковского в нашем кино не привились

Тарковский доказал внеязыковую природу искусства кино. Мир в его фильмах не пересказан, а предъявлен зрителю как непосредственная данность. Режиссер заставил звучать прежде не слышимый рассказ мира о самом себе. Что мы сможем из этого рассказа понять – это вопрос уже не к нему, а к нам.

Да, его фильмы на сегодняшний взгляд скучноваты. А вы пробовали дочитать до конца «Божественную комедию»?..

Наша беда в том, что мы не можем верно оценить масштаб событий. Грандиозное нам кажется маленьким, а мелкое застит глаза. И когда мировые события случаются, мы смотрим на них сквозь закопченные стекла своей обыденности и не видим их подлинной величины. Мы говорим: «Этого не может быть». А в окна небоскреба влетает «Боинг».

За окном психиатрической клиники набухает грозовая буря, а доктор, сидящий спиной к окну, не видит этого и убеждает пациента, что все прекрасно. Этот эпизод Тарковский планировал для «Жертвоприношения», но так и не снял его. Сам он отчетливо видел, что происходит за окнами нашего безумного мира. «Апокалипсис наступил уже давно, – убеждал он слушателей на лекции в лондонской церкви Сент-Джеймс, – хотя вы этого и не замечаете».

Тарковского, сколько понимание того, что создана она без расчетов и чертежей, силой только гениальной интуиции, вдохновения и музыкального чутья. И еще, может быть, наития свыше.

Исследование фильмов Тарковского по обилию и сложности материала может стать отдельной отраслью внутри киноведения. Однако изучение этого наследия остается единственной позитивной составляющей в контакте современной культуры с духовно-эстетическим наследием Тарковского.

Этот контакт в последние годы (после юбилея вряд ли что-то изменится) можно охарактеризовать как растечение по поверхности массовой культуры одновременно с потерей глубины и искажением смысла. Кинематографическая традиция Тарковского не привилась. Сегодняшний российский кинематограф идет по коммерческому пути, ненавистному для Тарковского. И слово «тарковщина» стало сейчас в еще большей степени ругательным понятием, чем при его жизни.

В эмиграции он отнюдь не был приверженцем капитализма и критиковал его со всей прямотой, с какой отсутствие свободы слова на родине не позволяло ему критиковать советский строй. Советская власть рухнула почти одновременно с его смертью, и в этом виделось тогда

Блудный сын вернулся из космоса.

Кадр из фильма «Солярис»

вечной оппозиции, даже после жизни. Сегодня Тарковский еще более чужой в России, чем был при жизни чужим в СССР. Несмотря на все оказанное ему уважение. Он похож на героя, забытого в тени собственного памятника.

Давно известно, что коммерческие проекты оказываются в перспективе самыми выгодными – так стало и с Тарковским, но в очень забавной форме. Не фильмы его приносят доход, а их названия. Большей насмешки трудно себе представить. Имя и творчество человека, всю жизнь боровшегося за духовные ценности, растащили на торговые этикетки.

Полистайте телефонные справочники. «Сталкер» – ночной клуб со стриптиз-шоу, фирма старателей; «Солярис» – авиакассы, строительная контора, центр эстетической медицины,

ствительно оказалось больше, чем кого-либо другого из кинорежиссеров. Несмотря на всю его элитарность. А может быть, даже и благодаря ей. На высокое и элитное – особый спрос. Сам Тарковский в этом не повинен, и фильмы его от этого не стали хуже. Массовая культура перемалывает идеи и образы высокой культуры так же, как папуасы вешали себе в уши жестяные кружки и чайники, наслаждаясь их блеском и непонятностью предназначения.

Но и высокая или, точнее, профессиональная культура тоже растерялась, не зная, что делать с таким доставшимся ей сокровищем. Он сделал для нас очень много. Мы перед ним в долгу. И перед собой тоже, потому что не извлекли всей пользы из его наследия. Жизнь идет не по Тарковскому, в атмосфере беспредельной пошлости. ■